

Петр Сobotка
Институт славистики ПАН
(Польша, Варшава)
p.sobotka@uw.edu.pl

ЭТИМОЛОГИЯ, РАЗВИТИЕ И ДРЕВНИЕ ФУНКЦИИ ПОЛЬСКОГО *że* В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ*

Целью статьи является описание этимологии и развития польского слова *że*, которое может выполнять различные функции в современном польском языке. Оно используется как частица, добавляемая к формам императива, вопросительным местоимениям, как комплементатор и, наконец, как часть таких элементов, как союзы, дискурсивные маркеры, метапредикативные операторы и т. д. Предполагается, что первичная и унаследованная функция рассматриваемого элемента состоит в том, чтобы подчеркнуть, усилить и даже удостоверить тот элемент коммуникации, с которым он синтаксически и функционально связан. Слова, происходящие из *że*, или сложные единицы с *że* формировались в ходе различных преобразований. Большинство польских этимологов выводит комплементатор *że* из праславянского сложения **jъže*, однако в статье предполагается, что основой комплементатора является анафорическое местоимение среднего рода **je*. Путь грамматикализации реконструируется следующим образом: усилительная / эмфатическая частица (**že*) > сложение анафорического местоимения и частицы со смыслом 'то же' > относительный коннектор со значением 'какой-то' > выражение подчинительной предикации, объявляющее речевой акт 'то, что' > комплементатор 'что'. Этот процесс объясняет механизмы формирования польского комплементатора, а также его многофункциональность в древнепольском языке.

Ключевые слова: грамматикализация, служебное слово, комплементатор, частица, этимология, исторический синтаксис, древнепольский язык.

Польский современный лексический элемент *że* 'что; ж(е)' является не только служебным и несамостоятельным выражением, но и многофункциональным.

---

* Научная работа выполнена в рамках гранта Министра науки и высшего образования РП «Национальная программа развития гуманитарных наук» на 2018–2023 гг., номер проекта 11Н 17 0066 85.

Он может функционировать как так называемый комплементатор, грамматикализованная часть определенного глагола — слово семантически служебное, которое вводит подчиненную предикацию, например, *Nie wiedzą, że wiemy, że oni wiedzą, że wiemy* «Они не знают, что мы знаем, что они знают, что мы знаем»¹. Предикаты, которые появляются в польском языке с комплементатором *że*, содержат семантические компоненты ‘знать’, ‘хотеть’ и ‘говорить’², ср. *sądzić, że* ‘считать, что’, *oczekiwać, że* ‘ожидать, что’, *domyślać się, że* ‘предполагать, что’ в противоположность *Nie przyszedłem dziś, żeby was smucić* «Я пришел сегодня не для того, чтобы вас расстраивать». Некоторые глаголы речи используются с *że*, которое не только указывает на предмет подчиняющей предикации, но и на речевую деятельность кого-либо, ср. *zwodzić, że* ‘обманывать, что’, как в примере *Zwodziś samego siebie, że ona to twoje życie* «Ты обманываешь себя в том, что она — вся твоя жизнь», где пропозициональное дополнение относится к тому, что кто-то сказал, что «она — вся моя жизнь» [см. также: Zaucha 2019]. В сложных союзах, таких как *_, chyba że* ‘если не’; *_, jako że* ‘так как; поскольку’; *_, mimo że* ‘несмотря на’; *_, tylko że* ‘только’; *tak / taki / tyle, że* ‘так / такой / столько, что’, оператор *że* также относится к тому, что было сказано, например: *Mówiłeś, że jest pora obiadu, mimo, że byłeś pewien, że tak nie jest* «Вы сказали, что сейчас время обеда, хотя были уверены, что это не так». Существуют и другие функции *że*, являющегося частью лексем интенсивности и аппроксимации того, о чем идет речь, ср. *niemal że* ‘почти что’; *prawie że* ‘почти’; а также идиоматическое и непере译имое *_ że ho ho* ‘говорящий сигнализирует, что то, о чем идет речь, настолько интенсивно, что вызывает удивление и восхищение’ [ср.: Dobaczewski et al. 2018: 93–94]. В самом общем смысле такие слова можно охарактеризовать как указывающие на степень уверенности в том, что именно является предметом обсуждения. Поэтому они носят модальный характер, и их функция — комментировать выражение, к которому они присоединяются, ср. *Ale sprawa się ma tak, że jestem niemal pewna, że ona go zdradza* «Но дело обстоит так, что я думаю, что она ему изменяет». На текстовом уровне действуют также операторы, которые прилагаются к вопросительным местоимениям, например *któż* ‘кто-то, если вообще кто-нибудь’, *cóż* ‘что-то, если вообще что-либо’. Эмфатические операторы этого типа содержат семантический компонент ‘я понятия не имею, [кто, где и т. д.] о чем идет речь’ [ср.: Bogusławski 1992: 154; Wajszczuk 2005: 92; Sobotka 2009]. Аналогичным образом с формальной точки зрения функционирует и оператор, связанный с глаголами в форме императива, ср. *A idźże sobie, gdzie chcesz!* «Катись отсюда, куда хочешь». Здесь мы видим некий элемент нетерпеливости, который вводит оператор. Последняя функция, о которой

¹ Кроме того, в польском языке комплементаторами могут быть *iż, żeby, ażeby, by, aby, iżby, czy, jakoby, jak gdyby*. Литература по польскому *że* и другим комплементаторам очень обширна [ср.: Grochowski et al. 1984; Karolak 1972; Łojasiewicz 1992; Wajszczuk 1997; Wójcicka 2017; Wojtasiewicz 1972; Zaron 1980; и др.]. Интересные наблюдения относительно их дистрибуции можно найти уже в книге Красновольского [Krasnowolski 1909].

² Эквивалентом польск. *że* в функции комплементатора в русском языке является *что*. О глаголах с этим выражением см. [Апресян 1986].

стоит упомянуть, связана с результативным смыслом, экспонентом которой является частица *ze*, *tak ze* ‘так что’, которая обозначает ‘из того, что было сказано, следует то, о чем сообщает говорящий’, ср. *Te wszystkie inne rodziły się w tej wiosce przed oczami ludzi, tak że ludzie pamiętali ich chrzciny i dziecięce lata* «Все другие родились в той же деревушке, на глазах у людей, так что старики помнили их крестины и детские годы».

С нашей точки зрения, все или почти все перечисленные функции современно-го польского *ze* являются результатом его исторического развития. Причины такой полифункциональности можно объяснить разными процессами образования анализируемых сегментов или многофункциональностью их этимона, если он был общим для них всех. Этимология и история смыслов не учитывает изолированно-го развития отдельных слов, а допускает сложную реконструкцию того или иного слова в его статических и динамических реляциях, что особенно касается служебных слов или их исходных основ, например местоимений, наречий и др. Исторические исследования языка обязательно должны учитывать статические смыслы и функции анализируемых «грамматически положительных» слов и динамические их изменения, включая пути мотивационных процессов номинации в данном конкретном лексическом, а также синтагматическом контексте. По Херберману [1999: 101], этимология есть «наука о мотивационных связях и основах номинации в той степени, в какой они закреплены в сознании носителей языка и тем самым относятся к языку (*langue*)». Статический и динамический подход состоит в том, чтобы увидеть жизнь слова за 50, 100 лет и даже раньше — и через 50, 100 лет и позже. Мы должны познакомиться не только с его предками и родственниками, но и с потомками. Нам нужно увидеть это слово до его рождения и после смерти (если актуальный момент анализа относится к прежнему состоянию языка, а данная единица, с указанной формой и содержанием, больше не существует). Тогда оно станет ближе к нам, и мы приблизимся к его пониманию.

С той же точки зрения настоящее исследование будет сочетать как ономаσιологический, так и семасиологический анализ, т. е., с одной стороны, мы будем двигаться от формы к функции, что позволит обнаружить возможные генетические взаимосвязи между современным *ze* и его праформой **ze* и реконструировать пути его развития; с другой стороны — от функции к значению, благодаря чему мы сформулируем гипотезу о возможных мотивациях современных сегментов *ze*. Конечно, современные значения слова в их функциональном виде, как было указано выше, являются предпосылкой для построения гипотез. Итак, можно предварительно допустить, что «комментирующее» и эмфатическое (частичное) *ze* прямо происходят из праслав. **ze*, а комплементатор и другие связывающие *ze* образованы, конечно, от частицы, но их развитие происходило более сложными путями.

Эмфатический оператор *ze* происходит, как было сказано, от праславянской частицы **ze/*-z(e)*, которая выводится из ПИЕ **-g^ho/*(-)g^he* — эмфатической, часто клитической, частицы, имеющей значение, подобное рус. ‘действительно’, ‘на самом деле’, ср. ведическую энклитику *ha* ‘очевидно’, балто-славянскую частицу

*-ge, например, старолит. *Tada gi Diewas ir Pagonims Gaileghimq dawe ant Sziwato?* «Искупил ли Бог язычников, на самом деле отдавая Свою жизнь за них?»).

Джордж Данкель [ср.: Dunkel 2014: 287] рассматривает постпозитивную и эмфатическую функции анализируемой частицы в качестве первичных и оставшихся в ее исходных формах. Славянский *že* в своих основных значениях является маркером усилительности, он также имеет противительный, причинный смыслы и функционирует в роли «скрепы» двух клауз [ср.: Корещný et al. 1980: 759–760; Зализняк 2008: 28–29]. Мы считаем также, что частица **že* исполняла в предложении результативную (например, глагол действия + **že*) и аддитивную (ср. польск. *przeto że*) функции. Возможно, что негативные рефлексы или нюансы, предположенные Данкелем, образованы от противительного значения, например, *onъ že* ‘тот / он, но...’. Таким образом, возможно, что первоначальная функция содержала также какой-то противительный семантический компонент. «В прочих значениях энклитика *же* является не фразовой, а локальной. Таковы: а) *же* с отождествительным значением, как в *тотъ же, тамо же, а то даль Иванъ же* ‘а это дал тоже Иван’ и т. п.; б) *же* с присоединительным значением в случае соединения имен, например, *съ Гюрьгемъ же съ Лукою* ‘с Гюргием и с Лукой’; в) *же* при отрицательных местоимениях и наречиях, например, *никъто же, никогда же*» [Зализняк 2008: 29].

В памятниках старославянской письменности частица *že* чаще всего занимала — согласно закону Ваккернагеля [Wackernagel 1892] — вторую позицию (как в выражениях сказуемых, вопросительных, так и в императивных), например *по томъ же глагола оученикомъ* [Ass: 11], *къто же естъ съ* [SJS 1: 595], *да пожьтъ же јмені твоемоу* [SJS 1: 596]. В польских текстах с самого раннего периода распределение частицы *że* ограничено приимперативной позицией (ср. *Miła matuchno boża, dziankuję tobie, bądźże ze mną* «Милая Божья матушка, я благодарю тебя, будь же со мной» [SSStp 11: 575]). В древнепольском языке отмечено мало примеров других употреблений, чаще всего это операторы, меняющие модальность предложения, как в примерах: *po swymże ziemiам ciągną na wojnę* «на своих же землях они идут на войну» [SSStp 11: 576], *żeśmy wam pirwej pisali* «мы же писали вам раньше» [SSStp 11: 576]. А в предложении *Uczyńiły są się ćmy tako groźne po wszej ziemi eјpskiej trzy dni że żadny nie uźrzał brata swego* «Настала тьма настолько ужасная во всей земле Египетской в течение трех же дней, [что] никто не видел брата своего» [SSStp 11: 575] частица усиливает числительное, обращая таким образом внимание наблюдателя не только на факт, сколько дней продолжалась тьма, но и косвенно — на ее действие (никто не мог увидеть своего ближнего). Таким образом, мы видим, что в примере частица не совсем эмфатическая. Мы можем предположить, что она по функции является соединительной, а ее маркером является не просто *že*, но сложный союз *tako_, že* ‘насколько ужасная, что никто...’. Возможно, что эта функция появилась в результате контаминации частицы и комплементатора.

Древнепольское использование частиц, образованных от праслав. **že*, служит свидетельством того, что и.-е. **-ge* рецессивно. Его дистрибуция от индоевропейского до польского языка постепенно и численно уменьшалась, ограничиваясь, в принципе, несколькими типами в современном польском языке. Для сравнения:

функциональность слова *же* в русском языке намного больше, чем *że* в польском (ср. современные примеры выше).

В славянских языках сохранились также сложения частицы *-že* с указательными, относительными, отрицательными, вопросительными местоимениями, союзами, образованными от местоимений, и некоторыми частицами, ср. ст.-слав. *daže, neže, uže, juže*, польск. *ależ, cóż, tenże, jużci, niżeli, gdyż* и т. д. Итак, сочетаемость **že* с местоимениями, союзами, частицами является общей чертой всех славянских языков. Степень лексикализации такого соединения — если оно не образовано в период славянской общности — различается в разных языках, даже близкородственных, ср. чеш. *jestliže* и польск. *jeśli-ż*. Таким образом возник и польский комплементар *że*, который происходит в результате сложения частицы **že* с анафорическим местоимением мужского рода **jь* или среднего рода **je*. Он выполняет функцию коннектора между подчиняющей и придаточной предикацией. Основное значение сложного выражения — местоименное, оно обычно реконструируется как ‘который’.

В древнепольском языке сохранилось несколько фонетических вариантов коннектора, образованного от мужского рода праславянского анафорического местоимения **jь* или от среднего рода местоимения **je* и частицы **že*, т. е. *ež, eže, hiže, iže, že*, ср. *mowili, eže błogość wirzchnia jest...* «говорили, что блаженство наивысшее это...» [BZPPŚ], *uwierzył, iżeć <...> w raju był* «он поверил, что был в раю» [BZPPŚ]. Форма *eže* доминировала в Малопольше и Мазовше, в то время как форма *iže* носила преимущественно великопольский характер [ср.: Nieminen 1931; Urbańczyk 1950: 103].

Сторонниками гипотезы о том, что польск. *że* происходит от мужской формы местоимения, являются, например, Вацлав Вондрак [см.: Vondrák 1908: 459–460], Францишек Славский [Sławski 1952–1956: 476–477] и Веслав Борысь [Boryś 2005: 753]. Согласно утверждению Борыся, это мнение поддерживает регулярное развитие *iž*, которое обычно рассматривается как стилистический вариант *že*³, ср. **jьže* → *iže* → *iž* (с апокопой *e*), и даже форма *že*, реконструированная из *iže*, ср. *iže* → *že*, как, например, *(i)gra* ‘игра’, *(i)skra* ‘искра’. Франтишек Копечный [Korečny et al. 1980: 230] отрицает эту гипотезу. Он считает, что она не включает общего источника для *že*, т. е. *eže*. Подобным образом реконструировал развитие польск. *že* Антоний Калина [ср.: Kalina 1879: 633–634], но фактически его объяснения маловероятны. Он пишет, что форма *eže* более старая, возникла из-за отсутствия звука *j* из *ježe* и представляет собой не более чем форму среднего рода местоимения. По его мнению, начало слова *iže* возникло в результате контракции *ie > i* [см.: Там же: 633].

Согласно версии Франтишека Травничека [см.: Trávníček 1956: 56, 117], Франтишека Копечного [Korečny et al. 1980: 291 и след., 759], Любора Кралика [ср.:

³ Надо заметить, что современные *že* и *iž* различаются как по дистрибуции, так и по функции, ср., например, невозможность использования *iž* как модификатора декларативности, ср. *Że też ty nikomu nie dajesz skończyć!* «Ну дай кому-нибудь рассказать до конца» и **Iż też ty nikomu nie dajesz skończyć!* [об этом см.: Bogustawski 1994].

Králik 2015: 693], Йиржи Рейзека [ср.: Rejzek 2015: 816] и других, чешское и словацкое *že* возникло в результате редукции исходного **je že* или **ježe*, которое рассматривается как соединение местоимения среднего рода и усиливающей его частицы. Согласно аргументам Травничека, связывающая функция *ježe* > *že* возникла в результате междометного использования **ježe*, что не имеет подтверждения в связи с современными наблюдениями над происхождением славянских коннекторов, образованных от местоимений [ср.: Sobotka 2019; Сobotка 2019]. Другие упомянутые выше этимологи не занимают однозначной позиции по вопросу категориальных изменений **ježe* > *že*, хотя Копечный, согласно версии которого сложное слово образуется от двух частиц, приводит ставящий под сомнение гипотезу Травничека довод [ср.: Кореšný et al. 1980: 759]: в славянском материале два типа «союзного» *že*: один — образованный от коннектора (*j)eže*, второй продолжает частичное *že* в функции копулятивной (как в примере ст.-слав. *бѣ <...> въ чрѣвѣ китовѣ три дни три же ноци* «был в животе кита в течение трех дней, трех и ночей»), дополнительной (ср. ст.-слав. *въсѣ же Исуса <...> въ преторь* «китак, привели Иисуса в преторию») и терминативной (например, ст.-слав. *тунѣ пријѣсте, тунѣ же дадите* «вы получили даром, так и даром давайте»). С нашей точки зрения, ни одно из указанных выше использований нельзя считать союзным или связывающим. По нашему мнению, *že* исполняет в них функцию частицы, согласно дефиниции, сформулированной в работе Гроховского, Кисель и Жабовской [Grochowski et al. 2014].

Итак, мы считаем, что польск. *że*, как и чешское *že*, образовано от словосложения **ježe*. Путь перехода местоимения от формы именительного — винительного падежа среднего рода до коннектора во многом более вероятен, чем происхождение *že* от формы мужского рода **jъ*. Во-первых, другие индоевропейские комплементаторы происходят от форм среднего рода, ср. нем. *daß*, англ. *that*, гот. *þata*, др.-сев. *at*, нидерл. *dat*, рус. *что*, греч. *ὅτι* и т. д. Во-вторых, сложение *prze-toż* (ср. чеш. *protože*, *přestože*) является грамматическим доказательством (хотя и непрямой) того, что коннектор *že* мог брать свое начало от формы среднего рода, если принять, что это сложение происходит из конструкции **per to (je)že* — заметим, что местоимение *to* требует связанного с ним отношением слова среднего рода. Кроме того, конструкции, членом которых являются формы среднего рода, были грамматикализованы быстрее, чем формы, происходящие от местоимения мужского рода, изменяющие значение с «(э)то же» через «которое (что)» до «что». Наконец, развитие комплементаторов параллельно с грамматикализацией маркеров отрицания (ср. циклы в языковом изменении, например цикл Есперсена: именная анафора (**je*) > «анафорический коннектор» / относительное местоимение (**je*) > коннектор + добавочное указание (эмфаза) (**je že*) > эмфаза в функции коннектора (**že*) [ср.: Jespersen 1917: 4–14; Bouzouita et al. 2019]).

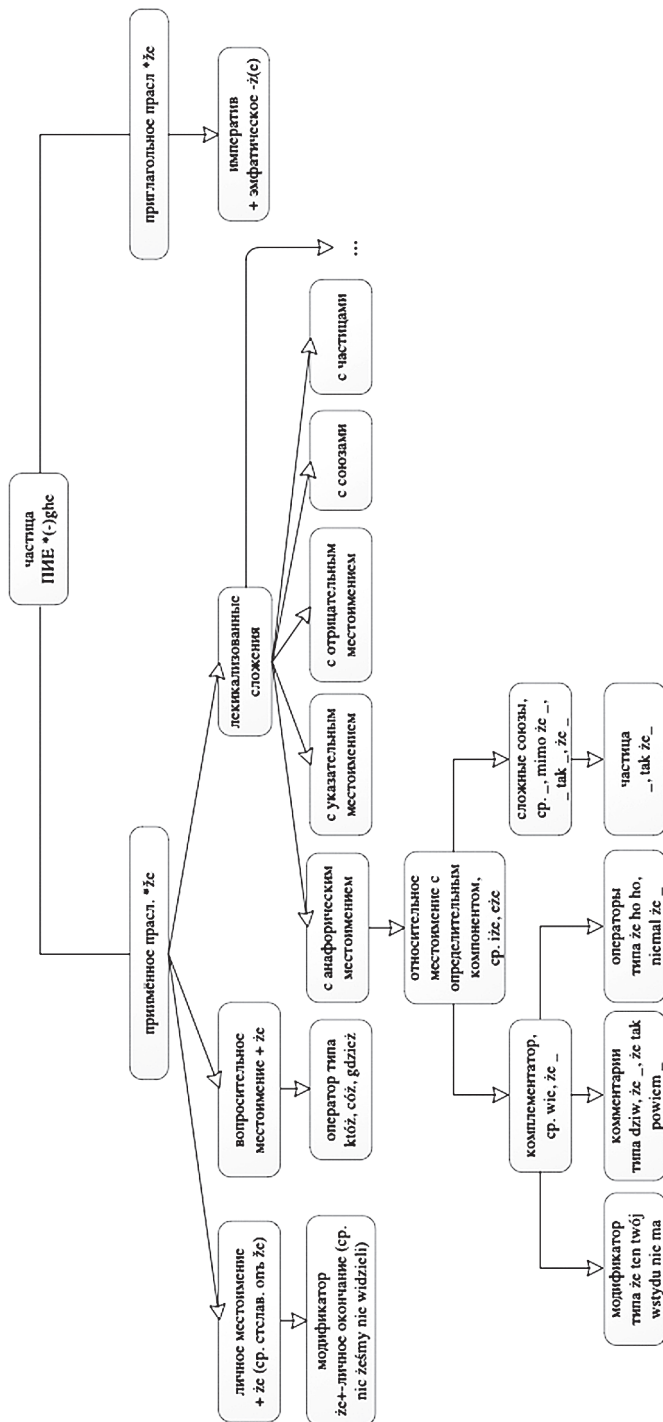
Вероятно, др.-польск. *że*, образованное от сложения **je že*, смешивалось с *iž(e)* / *(i)že* «который», о чем свидетельствуют примеры, где *že* может выступать в роли коннектора и относительного местоимения «который», ср. *Ale przyszła godzina, że* [‘что’ / ‘которая’] *każdy ktoż zabije was domnim<a>wa sobie posługę uczyn<i>ć Bogu*

«Однако настал час, в который всякий, кто убьет вас, будет думать, что он служит Богу» [SSStp 11: 573 ff.] и *Ale przyszła tego godzina, iże [‘которого’] już wszelki, który zabije ktorego z was, będzie mniemieć, aby Bogu w tem służbę uczynił* [RP: 570–571/21–24, 1]. Вполне вероятно, что такие употребления, как приведенное выше, являются результатом аттракции по функциональной и фонетической смежности, но дело в том, что они свидетельствуют еще и о другом факторе, связанном с валентностью или синтаксической коннотацией др.-польск. *że*. Хотя оно функционирует как коннектор, оно также выступает в качестве члена предложения, заменяя один из склоняющихся членов первого предложения. Во втором примере форма коннектора *iże* зависит от среднего рода местоимения *to* в противоустроенном предложении, в первом нет такой формы, какую можно бы было рассматривать как эффект грамматикализации (*eże* $\exists \in$ *iże*) > *że*. На то, что такой коннектор изначально не управлял синтаксической позицией предложения, являясь интегральным членом следующего предложения, указывает пример из Гнезненской буллы, где мы находим использование *iże*, которое начинает цитату (косвенную речь) в предложении после причастия: *Pożądali są wierni krześcijani przyścia jego a rzekąc tako, iże przydzi ty k nam, nasz miły Panie Boże* «Верные христиане желали, чтобы он пришел, так говоря: что приди ты к нам, наш дорогой Господь Бог» [BZPPŚ, Kg 2a: 7–9].

По-видимому, основная функция др.-польск. *eże* / *iże* / *że* связана с маркированием живой речи или вообще говорения. Итак, *iże* / *że* в древних источниках является прежде всего экспонентом речи (того, что было сказано), экспонентом речевого акта, ср. <*poczęły*> *baby jawnie powieść rzekąc, iże widzieliśmy nowe sie cudo stało* «женщины начали открыто говорить, глаголя, и вот / что мы увидели, как произошло новое чудо» [RP: 65/1–2]. В этом примере после плеонастической конструкции (личный глагол речи с причастием речи) – слово *iże*. В научной литературе этот тип причастия обычно понимается как «причастие средства» [ср.: Boyer 1984], но, скорее всего, в славянских языках он также выполняет функцию маркера утверждения [ср.: Moszyński 1990], как и *że* в современных польских примерах [ср.: Bogusławski 2007: 421]. Зачем здесь нужно *iże*, если определенный признак принадлежит плеонастической конструкции? Мы считаем, что его функция маркирования или комплементации подчиненного высказывания является вторичной. Поэтому мы реконструируем следующий путь функционального развития польского комплементатора *że*:

усилительная / эмфатическая частица (*že) > словосложение частицы с анафорическим местоимением со значением ‘то же’ > относительный коннектор со значением ‘который / какой-то’ > выражение подчинительной предикации, объявляющее речевой акт ‘то, что’ > комплементатор ‘что’.

Такой путь развития польского *że* объясняет многофункциональность слова в древнепольском языке, а также помогает реконструировать эволюцию современных польских единиц с этим элементом. Рассмотрим несколько древнепольских примеров. В предложении *Niemaló się wam zda, że was bog izraelski oddzielił ze wszego luda* «Вам не поможет то, что израильский Бог отделил вас от всего народа»

[SStr 11: 573] комплементатор *že* относится к содержанию, которое является субъектом, не выраженным в главном предложении. Здесь сохранилась истинностная, или утверждающая, функция *že*, которая возникла из усилительного значения ‘то, что сказано, действительно было сказано, и это можно проверить’. Мы считаем, что логическая функция здесь связана с «анафорическим» отрезком пути грамматикализации.

Таким образом были развиты многочисленные функции др.-польск. *eże / iże / że*: как оператора дополнительного предложения (ср. *uwierzył, iżeć jest...* «он поверил, что он...»), подлежащего предложения (*rzeczono jest, iże kto opuści żonę...* «сказано, что тот, кто бросит свою жену...»), определительного предложения (*toć i jest prawda, iże idzie tobie krol...* «итак, это правда для тебя, что король идет к тебе...»), различных обстоятельственных предложений (например, *świętego Jana miłował był, iżeć się on k niemu w swe młodości jest był nawrócił* «он любил святого Иоанна за то, что в юности обратился к нему») и др. (ср. примеры и функции в [Pawelec 2015]).

Возможные пути изменений в области славянского и польского *že*, особенно в роли комплементатора, показаны на рисунке:

Литература

Анресян Ю. Д. Синтаксическая информация для толкового словаря // *Linguistische Arbeitsberichte*. 1986. № 54–55. С. 88–116.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М. : Языки славянских культур, 2008. 279 с.

Сobotка П. Этимология и смысловое развитие севернославянских коннекторов, образованных от местоимений // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.)* / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 309–311.

Херберман К.-П. Компаративные конструкции в сравнении. К вопросу об отношении грамматики к этимологии и языковой типологии // *Вопросы языкознания*. 1999. № 2. С. 92–107.

Ass — *Evangeliarium Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glagoliticus*. Т. 2 / hrsg. J. Kurz. Praha : Nakladatelství Československé akad. věd, 1955. 322 s.

Bogusławski A. Two Essays on Inflection. Warszawa : Wydaw. Energeia, 1992. 170 p.

Bogusławski A. O niektórych operacjach asemantycznych w języku polskim // *En Slavist i humanismens tegn: Festschrift til Kristine Heltberg* / hrsg. P. Jacobsen, J. S. Jensen, R. Klukowska. København : Reitzel, 1994. S. 8–15.

Bogusławski A. A Study in the Linguistics-Philosophy Interface. Warszawa : BEL Studio, 2007. 612 p.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Wydaw. Literackie, 2005. 864 S.

Bouzouita et al. — *Cycles in language change* / ed. by M. Bouzouita, A. Breitbarth, L. J. M. Danckaert, E. Witzgenhausen. Oxford : Oxford Univ. Press, 2019. 306 p.

Boyer J. L. The Classification of Participles: A Statistical Study // Grace Theological Journal. 1984. № 5 (2). P. 163–179.

BZPPŚ — Biblioteka zabytków polskiego piśmiennictwa średniowiecznego / kier. W. Twardzik. Kraków : Instytut Języka Polskiego PAN, 2006. Электронный ресурс локального доступа (CD).

Dobaczewski A., Sobotka P., Żurowski S. Słownik reduplikacji i powtórzeń polskich. Od zleksykalizowanych podwojeń do regularnych układów repetycyjnych. Toruń : Wydaw. Naukowe Uniw. Mikołaja Kopernika, 2018. 295 s.

Dunkel G. E. Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme. Bd. 2. Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2014. 861 S.

Grochowski M., Karolak S., Topolińska Z. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia. Warszawa : Państwowe Wydaw. Naukowe, 1984. 397 s.

Grochowski M., Kisiel A., Żabowska M. Słownik gniazdowy partykuł polskich. Kraków : Polska Akad. Umiejętności, 2014. 398 s.

Jespersen O. Negation in English and other languages. København : A. F. Høst & Søn, 1917. 154 p.

Kalina A. Anecdota paleopolonica –2 // Archiv für slavische Philologie. 1879. № 3. S. 621–636.

Karolak S. Zagadnienia składni ogólnej. Warszawa : Państwowe Wydaw. Naukowe, 1972. 184 s.

Kopečný F., Šaur V., Polák V. Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. T. 2. Praha : Československá akad. věd, 1980. 780 s.

Králik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava : Veda, 2015. 704 s.

Krasnowolski A. Systematyczna składnia języka polskiego. Warszawa ; Kraków : Wydaw. M. Arcta — S. A. Krzyżanowski, 1909. 310 s.

Łojasiewicz A. Własności składniowe polskich spójników. Warszawa : Wydaw. Uniw. Warszawskiego, 1992. 184 s.

Moszyński L. Pierwsze przejawy samodzielnego życia biblijnych struktur stylistycznych w języku staro-cerkiewno-słowiańskim // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 1990. № 26. S. 187–196.

Nieminen E. Beiträge zur historischen Dialektologie der polnischen Sprache: 4. Konjunktionen *ize(e):ež(e)* ‘dass, weil’ // Lud Słowiański. 1931. № 2 (A). S. 19–32.

Pawelec 2015 — Słownik zapomnianych wyrażen funkcyjnych / kier. R. Pawelec. Warszawa : Wydaw. Naukowe Semper, 2015. 160 s.

Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha : Leda, 2015. 824 s.

RP — Rozmyślanie przemyskie / kier. F. Keller, W. Twardzik. Weiher ; Freiburg ; Berlin : Weiher Verlag, 1998–2004. T. 1–3.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae palaeoslovenicae. T. 1 / kier. J. Kurz, A. Dostál, M. Štěrbová. Praha : Akademia, 1966. 388 s.

Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1. Kraków : Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego, 1952–1956. 599 s.

Sobotka P. Czy Piłat był zainteresowany tym, *co to jest prawda?* // Linguistica Copernicana. 2009. № 2 (2). S. 31–56.

Sobotka P. The grammaticalization approach to an etymological reconstruction: A case of Slavic epistemic lexis // Book of Abstracts. 52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (21st–24th August 2019. Leipzig University, Germany) / ed. by O. Spevak. Leipzig : Societas Linguistica Europaea, 2019. P. 659–660.

SStp — Słownik staropolski / kier. S. Urbańczyk. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1953–2002. T. 1–11.

Trávníček F. Historická mluvnice česká. T. 3. Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1956. 200 s.

Urbańczyk S. W sprawie polskiego języka literackiego. Cz. 1 : O dawności dialektu kulturalnego // *Język Polski*. 1950. №30 (3). S. 97–109.

Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. 2. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1908. 548 S.

Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // *Indogermanische Forschungen*. 1892. №1 (1). S. 333–436.

Wajszczyk J. System znaczeń w obszarze spójników polskich: wprowadzenie do opisu. Warszawa : Katedra Lingwistyki Formalnej UW, 1997. 359 s.

Wajszczyk J. O metatekście. Warszawa : Katedra Lingwistyki Formalnej UW, 2005. 248 s.

Wojtasiewicz O.A. Formalna i semantyczna analiza polskich spójników przydaniowych i międzydaniowych oraz wyrazów pokrewnych // *Studia Semiotyczne*. 1972. №3. S. 109–144.

Wójcicka A. Dystrybucja włączników a klasyfikacja predykatów wymagających argumentu nieprzedmiotowego // *Prace Filologiczne*. 2017. №70. S. 433–450.

Zaron Z. Ze studiów nad składnią i semantyką czasownika. Polskie czasowniki z uzupełnieniem werbalnym oznaczające relację osobową z argumentem zdarzeniowym. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich : Wydaw. Polskiej Akad. Nauk, 1980. 162 s.

Zaucha J. Jukstapozycja czy składnia? Frazy zdaniowe w kontekście wybranych czasowników fałszu // *Poradnik Językowy*. 2019. №9. S. 41–49.

Piotr Sobotka

Institute of Slavic Studies (Polish Academy of Sciences)

(Poland, Warsaw)

p.sobotka@uw.edu.pl

THE ETYMOLOGY, DEVELOPMENT AND OLDER FUNCTIONS OF THE POLISH *ŻE* IN THE HISTORICAL AND COMPARATIVE PERSPECTIVE

The article aims to describe the etymology and development of the Polish word *że* that can play various functions in the contemporary Polish language. It is used as a particle added to the forms of imperative, questioner, as a complementizer, and lastly as a part of

such items like conjunctions, discourse markers, metapredicative operators, etc. It is assumed that the primary and inherited function of the item in question is to stress, strengthen and even confirm the element of communication to which it is syntactically and functionally linked. Reflexes items derived from *že* or compound with *že* were formed in the process of various transformations. One of these processes is univerbation of an anaphor and the particle. Most etymologists derive the complementizer *že* from the Proto-Slavic compound (or univerbation) **jъže*, however, it is assumed in the article that the base of the complementizer is the neuter anaphor **je*. The path of grammaticalization is reconstructed as follow: amplifying/emphatic particle (**že*) > compound of a anaphoric pronoun and particle with the semantic value of 'this one' > relative connector with the semantic value of 'which one/that is' > expression of a dependent predication that announces the speech act 'this one that' > complementizer 'that.' The chain explains the mechanisms of forming the Polish complementizer as well as its polyfunctionality in the Old Polish language.

Key words: grammaticalization, function word, complementizer, discourse marker, etymology, historical syntax, Old Polish language.

References

Apresyan Yu.D. [Syntactical information for an explanatory dictionary]. *Linguistische Arbeitsberichte*, 1986, no. 54–55, pp. 88–116. (In Russ.)

Bogusławski A. [On some asemantic operations in Polish]. *En Slavist i humanismens tegn: Festskrift til Kristine Heltberg*. P. Jacobsen, J.S. Jensen, R. Klukowska (Eds.). København, Reitzel, 1994, pp. 8–15. (In Polish)

Bogusławski A. *A Study in the Linguistics-Philosophy Interface*. Warsaw, BEL Studio Publ., 2007. 612 p.

Bogusławski A. *Two Essays on Inflection*. Warsaw, Energeia Publ., 1992. 170 p.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [An Etymological dictionary of the Polish language]. Cracow, Literackie Publ., 2005. 864 p.

Bouzouita M., Breitbarth A., Danckaert L.J.M., Witzgenhausen E. (Eds.). *Cycles in language change*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2019. 306 p.

Boyer J.L. The Classification of Participles: A Statistical Study. *Grace Theological Journal*, 1984, no. 5(2), pp. 163–179.

Dobaczewski A., Sobotka P., Żurowski S. *Słownik reduplikacji i powtórzeń polskich. Od zleksykalizowanych podwojeń do regularnych układów repetycyjnych* [The Dictionary of Polish replicas and reduplications. From conventionalised duplicates to regular repetition sets]. Toruń, Copernic Univ. Sci. Publ., 2018. 295 p.

Dunkel G.E. *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme. Bd. 2*. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2014. 861 p.

Grochowski M., Karolak S., Topolińska Z. *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia* [The Grammar of the contemporary Polish language. Syntax]. Warsaw, National Sci. Publ., 1984. 397 p.

Grochowski M., Kisiel A., Żabowska M. *Słownik gniazdowy partykuł polskich* [The Nest dictionary of Polish particles]. Cracow, Polish Acad. Publ., 2014. 398 p.

Jespersen O. *Negation in English and other languages*. København, A. F. Høst & Søn, 1917. 154 p.

Kalina A. *Anecdota paleopolonica –2*. *Archiv für slavische Philologie*, 1879, no. 3, pp. 621–636.

Karolak S. *Zagadnienia składni ogólnej* [General syntax issues]. Warsaw, National Sci. Publ., 1972. 184 p.

Keller F., Twardzik W. (Eds.). *Rozmyślanie przemyskie* [The Przemyśl meditation]. Weiher, Freiburg, Berlin, Weiher Verlag, 1998–2004. Vols. 1–3.

Kherberman K.-P. [Comparative constructions in comparison. The question of the grammar approach to the etymology and language typology]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1999, no. 2, pp. 92–107. (In Russ.)

Kopečný F., Šaur V., Polák V. *Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. T. 2*. [An Etymological dictionary of Slavic languages. Grammatical words and pronouns. Vol. 2]. Prague, Czechoslovakia Sci. Acad. Publ., 1980. 780 p.

Králik L. *Stručný etymologický slovník slovenčiny* [A Concise etymological dictionary of the Slovak language]. Bratislava, Veda Publ., 2015. 704 p.

Krasnowolski A. *Systematyczna składnia języka polskiego* [The Systematic syntax of Polish]. Warsaw, Cracow, M. Arct — S. A. Krzyżanowski Publ., 1909. 310 p.

Kurz J. (Ed.). *Evangeliarium Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glagoliticus. Vol. 2*. Prague, Czechoslovakia Sci. Acad. Publ., 1955. 322 p.

Kurz J., Dostál A., Štěrbová M. *Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae palaeoslovenicae. T. 1* [A Dictionary of the Old Church Slavonic language — Lexicon linguae palaeoslovenicae. Vol. 1]. Prague, Akademia Publ., 1966. 388 p.

Łojasiewicz A. *Własności składniowe polskich spójników* [The Syntactic properties of Polish conjunctions]. Warsaw, Warsaw Univ. Publ., 1992. 184 p.

Moszyński L. [The First signs of an independent life of Biblical stylistic structures in the Old Church Slavonic language]. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 1990, no. 26, pp. 187–196. (In Polish)

Nieminen E. Baiträge zur historischen Dialektologie der polnischen Sprache: 4. Konjunktionen *īze(e):ēz(e)‘dass, weil’*. *Lud Słowiański*, 1931, no. 2(A), pp. 19–32.

Pawelec R. (Ed.). *Słownik zapomnianych wyrażen funkcyjnych* [A Dictionary of the forgotten function words]. Warsaw, Semper Publ., 2015. 160 p.

Rejzek J. *Český etymologický slovník* [An Etymological dictionary of the Czech language]. Prague, Leda Publ., 2015. 824 p.

Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1* [An Etymological dictionary of the Polish language]. Cracow, Society of Polish language lovers Publ., 1952–1956. 599 p.

Sobotka P. [Etymology and semantic development of the North Slavic connectors derived from pronouns]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy IV Mezh-dunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 9–13 sentyabrya 2019 g.)* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Proceedings of the 4th International Scientific Conference (Ekaterinburg, 9–13 September 2019)]. E. L. Berezovich (Ed.). Ekaterinburg, Ural St. Univ. Publ., 2019, pp. 309–311. (In Russ.)

Sobotka P. [Was Pilate interested in that *what is truth?*]. *Linguistica Copernicana*, 2009, no. 2(2), pp. 31–56. (In Polish)

Sobotka P. The grammaticalization approach to an etymological reconstruction: A case of Slavic epistemic lexis. *Book of Abstracts. 52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (21st–24th August 2019. Leipzig University, Germany)*. O. Spevak (Ed.). Leipzig, Societas Linguistica Europaea, 2019, pp. 659–660.

Trávníček F. *Historická mluvnice česká. T. 3* [The Historical grammar of the Czech language]. Prague, National Pedagogical Publ., 1956. 200 p.

Twardzik W. (Ed.). *Biblioteka zabytków polskiego piśmiennictwa średniowiecznego* [The Library of the Polish Medieval Written Texts]. Cracow, Polish Language Inst. Publ., 2006. (Electronic Database on CD).

Urbańczyk S. (Ed.). *Słownik staropolski* [A Dictionary of the Old Polish language]. Wrocław, Ossoliński National Publ., 1953–2002. Vols. 1–11.

Urbańczyk S. [On the Polish literary language. Part 1. On the past of the cultural dialect]. *Język Polski*, 1950, no. 30(3), pp. 97–109. (In Polish)

Vondrák W. *Vergleichende slavische Grammatik. Bd. 2*. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1908. 548 p.

Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung. *Indogermanische Forschungen*, 1892, no. 1(1), pp. 333–436.

Wajszczuk J. *O metateksie* [On metatext]. Warsaw, Warsaw Univ. Publ., 2005. 248 p.

Wajszczuk J. *System znaczeń w obszarze spójników polskich: wprowadzenie do opisu* [The System of meanings in the domain of Polish conjunctions: an introduction to the description]. Warsaw, Warsaw Univ. Publ., 1997. 359 p.

Wójcicka A. [A Distribution of Polish complementizers and semantic classification of predicates with sentential complements]. *Prace Filologiczne*, 2017, no. 70, pp. 433–450. (In Polish)

Wojtasiewicz O. A. [A Formal and semantic analysis of Polish pre-sentence and inter-sentence connectives and related words]. *Studia Semiotyczne*, 1972, no. 3, pp. 109–144. (In Polish)

Zaliznyak A. A. *Drevneruskie enklitiki* [The Old Russian enclitics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 279 p.

Zaron Z. *Ze studiów nad składnią i semantyką czasownika. Polskie czasowniki z uzupełnieniem werbalnym oznaczające relację osobową z argumentem zdarzeniowym* [Studies in syntax and semantics of the Polish verb: Polish verbs with a verbal complement denoting a personal relationship with the sentential argument]. Wrocław, Warsaw, Cracow, Gdańsk, Ossoliński National Publ., Polish Sci. Acad. Publ., 1980. 162 p.

Zaucha J. [A Juxtaposition or syntax? Sentence phrases in the context of selected verbs of falsehood]. *Poradnik Językowy*, 2019, no. 9, pp. 41–49. (In Polish)